

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ВЛАДИМИР ПАНИОТТО

доктор философских наук, профессор, кафедра социологии НаУКМА, гендиректор Киевского международного института социологии (04655, Киев, ул. Г. Сковороды, 2)

VOLODYMYR PANIOTTO

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Department of Sociology, National university of "Kiyv-Mohyla Academy", Director General of the Kyiv International Institute of Sociology (2, H. Skovoroda St., Kyiv, 04655)

v.paniotto@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1721-9100>

Наш друг Мелвин Кон

20 марта 2021 года в возрасте 92 лет ушел из жизни известный американский социолог, бывший президент Американской социологической ассоциации, почетный доктор Киево-Могилянской академии и наш (мой и Валерия Хмелько) большой друг Мелвин Лестер Кон.

Мы познакомились с Мелвином в 1987 году в Вильнюсе на первой советско-американской конференции, которую он организовал, и это знакомство сильно повлияло на жизнь моей семьи и жизнь Валерия Хмелько и его семьи. Проект Мелвина и наши совместные исследования в Украине, которые длились около 15 лет, помогли нам создать Киевский международный институт социологии. Я, как и Валерий Хмелько в свое время, провел год в Университете Джона Хопкинса и работал с Мелвином над анализом данных, это был уникальный опыт. А дружба с Мелвином все эти годы, наши встречи в разных странах — США, Польше, Китае, поездки по Украине — одни из самых счастливых воспоминаний в моей жизни.

Я хотел бы здесь скорее поделиться своими воспоминаниями об общении с Мелвиным, чем писать о его творчестве. Дело в том, что, как ни странно, книга, в которой наиболее полно отражены работы Мелвина Кона, издана не в США, а в Украине, на украинском языке. Как это получилось? Основная тема работ Мелвина Кона — влияние социальной структуры на ценности индивида. Но как понять, что на ценности влияет именно социальная структура, а не культура общества? Для этого Мелвин использовал кросс-культурные исследования — опросы по одинаковой методике в странах разной культуры — в США, Польше, Украине, Японии и Китае. В Украине было проведено две волны панельного опроса. Когда обсуждалась публикация результатов украинского исследования, стало понятно, что украинский читатель не получит полного представления о проблеме, не зная других работ Мелвина. В США его работы были хорошо из-

Цитирование: Паниотто, В. (2021). Наш друг Мелвин Кон. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 197–208.

вестны и даже назывались классическими (в частности «Класс и конформность: исследование ценностей»)¹. Там в отдельном издании вроде нашего не было необходимости. Другое дело — Украина. Так что у нас с Валерием Хмелько возникла идея издать собрание его основных работ, включив туда и исследования в Украине.

1 Kohn, M.L. (1977). *Class and Conformity: A Study in Values*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Мелвин был очень рад нашему предложению и серьезно отнесся к отбору работ для книги. В итоге вышел весомый том на 560 страниц, который дает хорошее представление об исследованиях Мелвина Кона¹. Более того, в последующие годы, по мере завершения дальнейших исследований эта книга дважды дополнялась, но 2-е и 3-е издания существуют лишь в электронном виде. Третье издание (633 стр.) есть на сайте Киевского международного института социологии². Мелвин сожалел, что такой книги нет на английском. Он также в шутку говорил, дескать, уникальность этой книги также в том, что это единственная его книга в суперобложке. Когда Мелвин прочел введение к книге, написанное В. Хмелько и С. Оксамитной, то сказал: «О, теперь я знаю, кому заказывать свой некролог!». Пр процитирую лишь один абзац из предисловия В.Хмелько и С.Оксамитной (всего там около 30 страниц с обзором работ М. Кона):

«В теоретико-методологическом смысле работы М. Кона — это наиболее существенный во второй половине XX века, теоретически и эмпирически убедительно обоснованный, вклад в исследование связей микро- и макроуровней познания социальной реальности, и, тем самым, важный шаг в развитии целостного социологического знания через надежное эмпирическое установление теоретически ожидаемых связей между макросоциологией и микросоциологией. И благодаря этому вкладу более ясными становятся те исследовательские проблемы, которые, как показали результаты исследований, проведенных и организованных М. Коном, социология в принципе уже способна исследовать, но которые пока остаются или совсем не исследованными, или исследованными лишь косвенно. Одним из особо важных направлений таких исследований, методологические основы которых заложены трудами М. Кона, является, по нашему убеждению, поиск тех характеристик социальных макроструктур, которые тем или иным образом влияют на воспроизведение среди людей гуманистических ценностей, распространенность основ человечности в человеческих отношениях».

Удивительное совпадение — сегодня, когда я пишу эту статью, почтальон принес мне посылку от жены Мелвина Кона Эдны (его первая жена — Жанет — была известным юристом, умерла в 2004-м). В посылке последняя книга Мелвина «Развитие теории социальной структуры и личности» с трогательной запиской³. В этой книге он осмысливает результаты проведенных исследований и их выводы (надеюсь, что ее можно будет издать на украинском). В частности, он приходит к выводу, что в разных странах — с разной культурой, в разных условиях, с разными классами и стратификациями — те возможности, которые они предоставляют для развития самостоятельности в работе, доминируют над остальными аспектами социальной структуры в их воздействии на личность. Однако политические влияния могут модифицировать эффекты воздействия в лучшую или в худшую сторону (с. 114). «Как только мы обнаруживаем, что по-

1 Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Кона та його співпрацівників (2007). Київ: ВД «Києво-Могилянська академія».

2 См.: http://kiis.com.ua/materials/books/MKohn_III_edition.pdf

3 Kohn, M. L. (2019). *The Development of a Theory of Social Structure and Personality*. Anthem Press.

литические вмешательства превышают обычные влияния статуса для одного, двух или нескольких социальных классов, эти классы проявляют себя как отличающиеся друг от друга. Межнациональные отличия были ключом к обнаружению политического вмешательства в эффекты влияния социального статуса на личность. Поэтому я добавляю это важное исключение из нашего вывода о том, что социальный класс, социальная стратификация и содержательная сложность труда обычно влияют на личность во всех странах одинаково» (с. 118).

Мы очень старались сделать так, чтобы и оформление книги понравилось Мелвину, Валерий Хмелько долго подбирал цвета обложки, а сделанное мной для книги фото Мелвин любил больше всех других своих фотографий и использовал его еще в одной книге и в информации о себе на сайтах. Вот это фото.

Любимое фото Мелвина Кона

Приведу с сокращениями письмо, которое Мелвин написал после приезда из Киева, где Киево-Могилянская академия наградила его званием почетного доктора.

«Когда я вернулся в Балтимор, у меня состоялась встреча с деканом факультета и деканом колледжа наук и искусств Университета Джонса Хопкинса. (У нас больше деканов, чем сотрудников факультета, что типично для университетов США.) Эти двое ребят, которых я едва знал, всегда казались мне дружелюбными, но у меня никогда не было никаких серьезных разговоров с ними. Теперь они хотели меня видеть. Оказывается, в ходе обычного ежегодного обзора событий на факультете деканы узнали, что один из их (очень) старших преподавателей был удостоен звания почетного доктора ведущего вуза Укра-

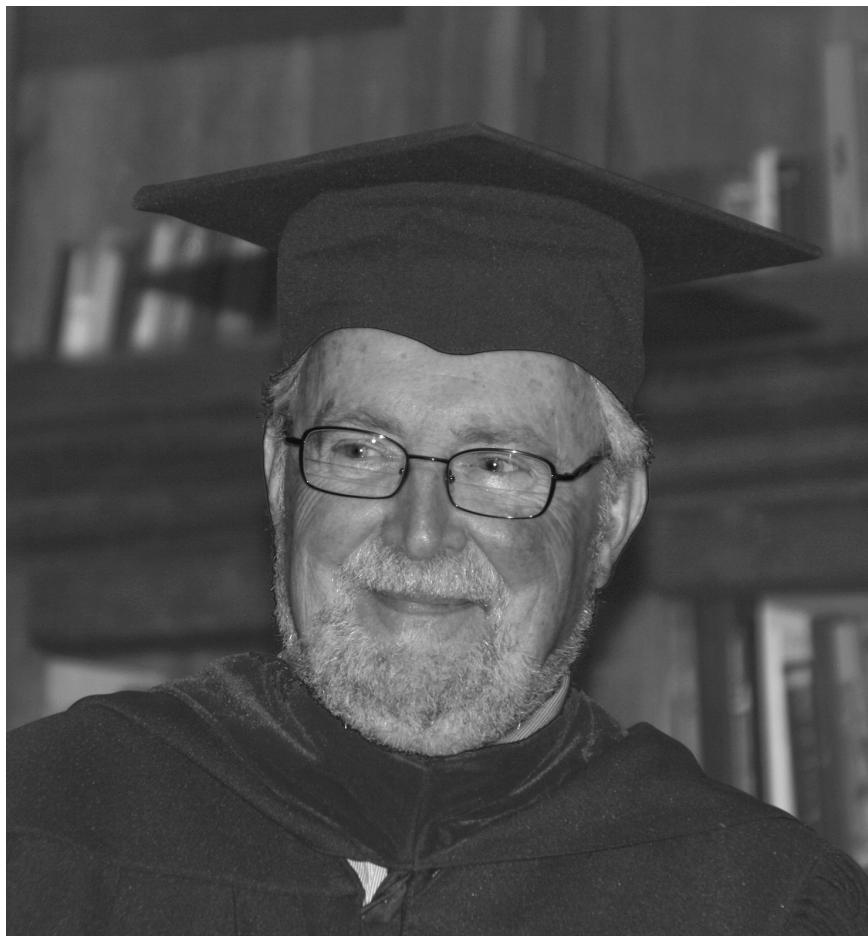
ины; и не только это, в его честь была проведена конференция в Варшаве; и их это впечатлило. Итак, они предлагали мне «профессорство» (professorship — не знаю, как лучше перевести, ниже это объясняется. — В.П.). Я не думаю, что такие вещи существуют в Европе, и их не так много в государственных университетах в Соединенных Штатах. Но в частных университетах богатый человек может основать профессорскую должность, названную его именем или именем его любимого бывшего профессора, или его подруги, или кого-либо еще, даря университету большую денежную сумму (у Hopkins'a сейчас цена 2,5 миллиона долларов). Некоторые из этих именных профессур включают деньги на исследования или поездки (это хорошо для чтения лекций почетным доктором), некоторые — нет, но они считаются почетными. А для 80-летнего профессора они действительно обеспечивают определенную степень стабильности его работы. Так или иначе, деканы уговорили президента университета номинировать меня на должность профессора, и они уверены, что Попечители это одобряют, потому что их тоже впечатляют почетные докторские степени, выданные ведущими зарубежными университетами. (Замечу, что несмотря на легкую иронию, Мелвин был очень рад присвоению ему степени почетного доктора Могиланкой, он с удовольствием приехал, прочел лекцию, встретился со многими профессорами университета и студентами. — В.П.)

Это подводит к моей просьбе. У университета есть сайт с короткими биографиями их выдающихся преподавателей. Но моя фотография на сайте кафедры социологии ужасна: яркий свет преувеличивает красное пятно на моей щеке, маленький порок старости, который на этой фотографии делает меня похожим на труп. Администратор сайта спросила меня, нет ли у меня фотографии получше, которая больше подходит для человека, удостоенного такой чести. Я сказал ей, что есть великолепная фотография, которая размещена на суперобложке украинской книги. Я также сказал ей, что у меня нет электронной версии этой фотографии, но фотограф — очень близкий друг и соредатор книги, так же как и талантливый фотограф, и я думаю, что весьма вероятно, что у него есть электронная копия фотографии, или он может сделать такую копию, чтобы использовать ее для такой достойной цели. Я прав?»

Эта история имела некоторое продолжение, Мелвин получил от меня фото и написал следующее:

«Женщине, которая управляет сайтом, понравилось твое фото со мной (я должен сказать тебе, однако, что она никогда не встречала меня, поэтому она может судить о фото только по абсолютным меркам фотографии; она не знает, действительно ли это я). У нас также был забавный обмен мнениями, в котором я узнал, насколько мало я знаю (я напишу в своих воспоминаниях, что я очень хорош в обучении на собственных ошибках; и я таки сделал их много). Она обрезала фотографию и отправила мне на одобрение, фотография отлично смотрелась на экране моего компьютера, но когда я ее распечатал, она была расплывчатой. Женщина сказала мне, что она создала фото для использования в Интернете: что нечеткость исчезает, когда она размещает фото на сайте, а если вы распечатываете из интернета, то фото выглядит нормально. Чтобы подчеркнуть свою точку зрения, она прислала фото с гораздо большим количеством

пикселей, и это отлично выглядело и на моем экране, и когда я его распечатал. Видимо, фотография не такая простая вещь, как социология»¹.

Мелвин Кон во время вручения ему звания почетного доктора Национального университета «Киево-Могилянская академия»

У Мелвина было удивительное чувство юмора, легкая ирония, и даже когда это касалось нас с Валерием Хмелько, она была совершенно необходимой. Валерия он поддразнивал за то, что Валерий пытался себя ограничивать в мясе и ел салаты, Мелвин называл это «кроличьей пищей». Со мной ситуация, связанная с едой, была намного хуже. Дело в том, что сам Мелвин очень интересовался разными кухнями, они с женой закончили курсы китайской и шведской кухни. Во время заседаний рабочей группы проекта (это мы с Хмелько и несколько коллег

¹ В английском языке нет различий между ты и вы, поэтому возникают сложности с переводом. Я думаю, что если бы Мелвин говорил на русском, то первые 10–15 лет нашего знакомства мы были бы на вы, а последние 20 лет, когда разница в возрасте стала стираться и мы провели вместе больше года в университете Джонса Хопкинса, а потом часто встречались, то уже перешли бы на ты.

из Польши) Мелвин начинал заседания с того, что говорил: «Сейчас мы должны обсудить самый главный вопрос нашей встречи — где мы будем сегодня обедать». Конечно, это была шутка, но, как я впоследствии понял, не совсем шутка. А надо сказать, что моя первая поездка за границу состоялась лишь в 1988, мне был 41 год, и до этого я не был даже в Болгарии (как известно, «курица не птица, София не заграница»). В 1990-м я стажировался месяц в Колумбийском университете, а потом еще месяц жил дома у Мелвина Кона, в Вашингтоне, это были последние годы Советского Союза с его постоянным дефицитом (а потом первые годы экономического кризиса, связанного с распадом СССР и разрывом экономических связей). Поэтому вопрос о том, какую кухню я предпочитаю, был за гранью моего понимания, я мыслил блюдами, а не кухнями, кроме сосисок и пельменей мне ничего в голову не приходило. А когда на вопрос о том, какой из ресторанов я хотел бы посетить, я сказал «МакДональдз», то Мелвин был в шоке (в свое оправдание скажу, что первый «МакДональдз» был открыт в Москве в 1990-м, и по телевизору показывали, в какой дикой очереди стоят люди, чтобы в него попасть, так что было любопытно, что же это такое). В общем, в вопросах еды возник культурный шок. Через много лет Мелвин признался, что они с женой с трудом переносили запах сосисок, которые я варил на завтрак (но мне никто ни разу даже не намекнул). А я не мог понять, как можно покупать в магазине две (правда, больших) картофелины, а не хотя бы килограмм. Однажды Жанет, жена Мелвина, приготовила на обед спаржу — ну трава травой. Мелвин с Жанет ели и говорили, что получилась неудачно, что меня успокоило — не такой уж я тупой в этом вопросе. Потом она решила повторить, исправить ошибку, сделала спаржу еще раз. И на этот раз, как мне объяснили, она получилась замечательно. Я ел — ну трава травой, точно такая же, как в прошлый раз. Всякий раз, когда заходил разговор о еде, я говорил, что это совершенно не важно, давайте быстро что-то съедем, чтобы есть не хотелось, да хоть бутерброды, жалко же время терять. И Мелвин в первые несколько лет нашего знакомства очень деликатно объяснял мне, что вот существует культура, человечество тысячелетиями посредством творчества, проб и ошибок накапливает знания, опыт, традиции, культура существует в разных областях, в том числе и культура еды. И отвергать культуру, быть некультурным человеком — это не то, чем можно гордиться. И он-таки как-то незаметно, постепенно меня переубедил. Я убедился, что, скажем, поход в ресторан «Камьяни ступки» в Варшаве, где проходила одна из встреч нашей группы, я помню гораздо лучше, чем многие из спектаклей в театре, это было запоминающимся событием. То же с английским. Мелвин никогда не говорил мне, что я что-то неправильно сказал, не там поставил ударение. В конце концов, я спросил его напрямую, почему он не исправляет мой английский. И он объяснил, что когда я что-то говорю неправильно, он меня переспрашивает не потому, что не услышал, а потому, что в своем вопросе правильно произносит эти слова. «И ты говоришь сейчас намного лучше, чем в первые месяцы». Эти исправления моей речи происходили настолько деликатно, что я даже не замечал.

Ирония не оставляла его даже в драматических обстоятельствах, например, во время похода к врачу с подозрениями на опухоль.

— Володя, ты знаешь, что главное, чего нужно не забыть взять с собой при походе к врачу?

- Анализы, — предположил я.
- Нет, чековая книжка.

После террористических актов 11 сентября 2001 года он как-то сказал мне: «У меня такое впечатление, что Усама бен Ладен ненавидит Буша даже больше, чем я».

Летом 2006 года Мелвин с Эдной прилетели в Киев, и мы все (еще Валерий Хмелько с женой и я с женой) поехали на двух машинах в Крым на несколько дней, останавливаясь и ночуя по дороге в интересных местах (например, парк «Софиевка» в Умани или Одесса на обратном пути). С дорогами уже было все более-менее нормально, с едой прекрасно, гостям было очень интересно пробовать украинские блюда, а вот с туалетами... Я уже не раз читал о том, какое неизгладимое впечатление производят эти дощатые строения и дырки в полу на иностранцев, на многих — самое сильное впечатление от поездки в Украину из всего, что они видят. К счастью, Мелвин или не был шокирован или удачно это скрывал, он воспринимал это с юмором и присваивал туалетам классификацию как гостиницам — только не одна, две или три звездочки, а одна, две или три дырки.

Многие годы Мелвин вел ежедневные записи (результат изучения антропологии в университете, которая в США понимается шире, чем у нас, и не очень отличается от социологии), поэтому мог напоминать мне мои собственные слова, сказанные двадцать лет назад. Например: «Средний класс — это же не класс в социологическом смысле слова, это больше политико-журналистское понятие, чем социологическое. Я, кстати, с этим согласен. Помнишь, кто так сказал? Нет? Ты же и сказал». Или вот из его письма. «Если мне не изменяет память (а если я что-то помню, то это не означает, что это действительно было, но это, по крайней мере, лучше, чем то, что остается в памяти моих студентов), много лет назад я депонировал копию данных опроса 1964 года на старинных магнитных лентах в архив университета Мичигана».

Во введении к уже упомянутой книге с обзором работ Мелвина я писал о том, как много нового узнал о принципах работы, методологии, математическом аппарате, который использовал Мелвин. Здесь же добавлю лишь один штрих. Мелвин написал заметку по поводу 70-летия Валерия Хмелько и назвал его *great scientist*. Поскольку *great* — многозначное слово от «хороший» до «великий», я решил уточнить это и спросил — он такой же великий ученый, как Мертон, Лазарсфельд и Парсонс? На что Мелвин ответил, что да — как Мертон и Парсонс, но не Лазарсфельд, которого он не считает великим. Дело в том, что все мы «роем землю» и проверяем, нет ли методологических ошибок лишь в том случае, если наша гипотеза не подтвердилась, а если подтвердилась, то тут же успокаиваемся. Мелвин вспоминает, как Валерий Хмелько 6 месяцев (!) проверял результат, который не противоречил, а именно соответствовал гипотезе, пока полностью не удостоверился, что нет методологических ошибок. И сам Мелвин именно так и работал, что меня порой раздражало, тем более, что компьютеры работали медленно, и я оставлял задачу на расчеты вечером, а приходил утром, и задача все еще считалась. Наконец, все посчиталось, мы встречаемся с Мелвином, обсуждаем результат — и он просит проверить еще что-то, когда, по-моему, все ясно. Я понимаю, что я точно не *great scientist*.

Если говорить о чувстве юмора, то некоторые очерки и эссе написаны почти как юмористические рассказы. Например, история проекта (речь при вручении награды Мида-Кули, после которой Мертон написал, что, дескать, всегда считал Мелвина «одним из нас»).

Или социологический очерк в изданной нами книге — «Два візити до села моєї матері: погляд на соціальні зміни в сільській Україні».

Мать Мелвина Кона родилась в украинском селе под Кагарлыкком и эмигрировала с родителями в США, когда была еще ребенком. Мелвин был для меня просто олицетворением американского профессора, ученого и интеллектуала, и когда я узнал об его украинских корнях, то был поражен.

Когда мы были в музее Холокоста в Вашингтоне, я увидел на стене среди спонсоров музея имя Мелвина Кона. Мелвин также подарил свою дачу округу Кларк. Но сначала несколько слов про эту дачу. Как-то (лет 30 назад) Мелвин и Жанет повезли меня на дачу. Мы позавтракали, потом собирались, ехали от Вашингтона часа полтора, и когда приехали, то уже проголодались. Дача выглядела очень скромно, небольшой домик. Мелвин предложил сначала пообедать, а потом показать мне участок. Но мне было любопытно, и я спросил, нельзя ли глянуть хотя бы одним глазом на участок, а потом обедать. Мелвин пожал плечами и повел смотреть участок. А где Ваши соседи, где границы дачи, спросил я. И тут оказалось, что соседей не видно и все, что видно до горизонта, — это дача Мелвина. С обедом я был глубоко неправ, поверхностное знакомство с участком заняло минут сорок, если не час. В молодости Мелвин и Жанет купили по дешевке какую-то заброшенную ферму. «Сейчас бы мы, конечно, не смогли ее купить», — объяснил Мелвин. Так вот, лет 5–7 назад Мелвин подарил эту дачу на Эбenezер-роуд округу Кларк штата Вирджиния. Это больше 50 акров земли, 2000 соток, это в 333 раза больше, чем моя дача, по размерам примерно как университетский Ботанический сад. Дарственный акт имел ряд условий, в частности, защиту природных ценностей земли, запрет на разбивку и продажу частями и т.д. Кроме того, Мелвин имел право пользоваться дачей, пока жив. Округ создал комитет, в который входил и Мелвин, комитет решил, что там будет парк, его назвали в честь жены Мелвина — Мемориальный парк Жанет Кон. Были предусмотрены всякие преобразования, прокладка троп и т.п., которые должны были начаться после смерти Мелвина. Мелвин писал мне и Валерию Хмелько: «И теперь все, кроме меня, с нетерпением ждут, когда же можно будет начать строительство парка».

Наверное, я тут написал слишком много о себе, но последние 35 лет моей жизни оказались тесно связанными с Мелвином — и событиями и работой и эмоциями. Я посмотрел какие-то письма, фотографии (их тысячи, я с трудом смог отобрать лишь 200 для Фейсбука), прочитал вот сейчас главы из последней книги, которую сегодня утром получил... Вспомнил и последнюю встречу «лицом к лицу».

Это было пять лет назад, мы с женой смогли заехать в Вашингтон из Нью-Йорка лишь на один день специально, чтобы встретиться и провести время с Мелвином и Эдной. Они нас встретили на вокзале. Эдна, которой было, кажется, 85, так лихо вела машину, что становилось не по себе. При этом она очень эмоционально высказывалась по поводу водителей других машин, которые ей мешали. «Слава богу, что у тебя нет с собой пистолета», — заметил Мелвин.

В последней книге Мелвин Кон описывает конференцию, посвященную его исследованию в Китае, ее организовал его бывший аспирант Вэйдонг (Weidong), соавтор Мелвина по китайской части проекта. Конференция прошла в Пекине в 2013-м. Мелвин пишет:

«В одном отношении это была довольно странная конференция. Она была определенно интернациональной с точки зрения выступающих, но у нас не могло быть международной конференции с точки зрения аудитории в середине семестра.

Тем не менее, все получилось хорошо, поскольку ораторы хорошо выступили, вопросы были замечательными, а Вэйдонг — гений в организации банкетов, которые нам очень понравились. Это было великолепное завершение важного исследования, последнего в моей жизни.

После конференции почти всем участникам пришлось быстро уехать, вернуться к своим академическим обязанностям. Но, к счастью для меня, мои хорошие друзья Володя и Лена Паниотто были свободны и могли поехать со мной на поезде-пуле в мой любимый китайский город Шанхай (поезд может ехать со скоростью 400 км в час. — *В.П.*). Там мы наслаждались праздничными развлечениями вдоль набережной, и я заново подумал об исторической важности Шанхая, он один из двух городов во всем мире, которые позволили еврейским беженцам от Гитлера оставаться там (США не разместили их). Лучше всего то, что Инь Ю угодил нас грандиозным застольем в известном шанхайском ресторане, который готовит блюда старинной шанхайской кухни, нигде более не доступные. Было также здорово увидеть снова Инь Ю (тоже бывший аспирант Мелвина. — *В.П.*), уже самостоятельного ученого»¹.

Вот несколько фотографий.

Владимир Паниотто и Мелвин Кон в Китае, 2013

1 См.: [Kohn, 2019: p. 108].

Мелвин Кон и Валерий Хмелько, Чернигов, 2010

Мелвин Кон, 2013

Добавлю лишь, что Мелвин Кон любил Украину, любил приезжать сюда («страна моей матери»), ездить по Украине. Можно сказать, что Мелвин — это не только наш с Валерием друг, не только друг Киево-Могилянской академии, но и друг Украины. И его работы имеют важное значение не только для развития социологии в мире, но и для понимания социальной структуры украинского общества.

Получено 20.05.2021